

Ксения Головина
(Университет Тоё)

**«Русский дядька»:
концепция «русскости» в интервью
с русскоязычным «старожилом»
в Японии**

В статье представлено и прокомментировано интервью с проживающим более полувека в Японии русскоязычным репатриантом из Харбина, записанное в 2018 году.* В целях анонимности информант, носящий имя греческого происхождения и японскую фамилию, обозначен вымышленными инициалами — М. Ю. Название статьи невольно сформулировала мой технический ассистент, сказав после проведения интервью, что она готовилась к интервью с японцем, а информант «оказался настоящим русским дядькой». Это определение использовано в данной работе в качестве отправной аналитической точки. Что может означать определение «русский дядька»? Каковы маркеры «русскости», обозначенные в высказываниях опрошенного информанта, в его манере общения и бытовой культуре и имеющие потенциал быть интерпретированными именно как «русскость»? Настоящая статья отвечает на эти вопросы, анализируя текст интервью,

---

* Данное исследование было проведено на основе гранта: Grant-in-Aid for Young Scientists (18K12591), Japan Society for the Promotion of Science (JSPS). Также благодарю Т. Романову за организацию приводимого здесь интервью.

одновременно проблематизируя категорию «русскости» в заданном контексте.¹

Точкой отсчета в описании русскоязычной эмиграции в Японию принято считать так называемых «белых русских», чья история наиболее полно исследована Петром Подалко.² Речь идет как об этнических русских, так и о представителях других различных этносов, уехавших за рубеж с территории Российской империи, в том числе и в Японию, в связи с событиями 1917 года. Среди эмигрантов более поздних периодов — времен СССР и 1990-х годов — потомки «белых русских» иногда именуются «старожилами». «Старожилы» имеют отношение к самой ранней волне эмиграции, а также хранят представление о царской России, усвоенное ими через рассказы старших родственников, покинувших родину в годы Октябрьской революции.

Если следовать критерию наличия памяти о дореволюционной России, М. Ю. может быть отнесен к «старожилам», но его история отлична от ситуации большинства «старожилов». Бабушка М. Ю., к которой он обращается в своих воспоминаниях исключительно по имени и отчеству (назовем ее Еленой Николаевной), родилась под Петербургом, осталась сиротой, вышла замуж за китайца, проживавшего в России, и в 1913 году уехала с ним в Харбин с годовалым ребенком — матерью М. Ю. В то время в Харбине уже существовало крупное русскоязычное сообщество, в скором времени пополнившееся и «белыми русскими». В Харбине родился дядя М. Ю., младший брат

---

¹ Необходимо сразу оговорить исследовательские ограничения. Более полный подход предполагал бы дополнительное интервью и с техническим ассистентом для выяснения того, что конкретно подтолкнуло ее к выводу о «русском дядьке». Диалогический подход такого рода дал бы возможность обратиться к проблеме с точки зрения не только воспроизведения, но и восприятия «русскости» несколькими субъектами. Однако, в связи с отсутствием подобного материала, данный очерк базируется прежде всего на аудиозаписи и расшифровке интервью с самим М. Ю.

² См.: Подалко П. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004.

его матери, но муж-китаец Елены Николаевны вскоре покинул семью («дед скрылся». — М. Ю.). Впоследствии мать М. Ю. стала подрабатывать на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) машинисткой, где познакомилась с японцем, будущим отцом М. Ю. Когда семью репатриировали в Японию в 1953 году, М. Ю. было 15 лет, и он практически не говорил по-японски, будучи при этом русским японцем с китайскими корнями. Первая поездка М. Ю. на «историческую родину», в Россию, состоялась в 1960 году, спустя 7 лет после репатриации на родину отца — в Японию.

В работах Мары Мустафиной (Mara Moustafine) дается обширное описание этнического состава и бытового уклада так называемых «русских из Китая», в частности «харбинцев».³ Именно к таким «харбинцам» принадлежала бабушка М. Ю. Мустафина сообщает, что в 1920-х годах в Харбине — «русском мире на китайской земле» — проживало около 120 000 эмигрантов из России.⁴ Действовали православные храмы, русские школы, издавались книги и периодика на русском языке. Харбин был городом-космополитом, в котором «русскость» проявлялась в плане культуры и духовности. Однако к началу 1960-х годов большая часть русскоязычного населения была вынуждена покинуть город в результате японской (1932 года), а затем советской оккупации Маньчжурии (1945 года), а также китайской коммунистической революции — событий, развертывавшихся одно за другим на протяжении 30 лет.⁵ М. Ю., репатриированный из Харбина в 1950-х годах, застал эти события в возрасте ребенка, а затем и подростка.

То, что Харбин начала XX века описывается как город, представлявший собой «законсервированный оазис», в котором через архитектуру и культуру был воспроизведен

---

³ *Moustafine M. Russians from China: Migrations and Identity // Cosmopolitan Civil Societies Journal. 2013. 5(2). P. 143—158.*

⁴ *Ibid. P. 143.*

⁵ *Ibid. P. 149.*

образ дореволюционной России, дает важное направление для интерпретации интервью с М. Ю. Данный факт также помогает объяснить необычное ощущение перенесенности во времени, испытанное исследователем при работе с материалами данного информанта. В следующих частях статьи приведены цитаты из интервью, сопровождающиеся комментариями. Цитаты из интервью были сгруппированы по узловым темам, выделенным в процессе его анализа. В данной статье я обращаюсь лишь к двум из них: «русскость» и русский язык, а также «русскость» и вера.

Староэмигрантская речь

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению фрагментов интервью, необходимо обратить внимание на особенности речи М. Ю. Опираясь на результаты исследования Наталии Голубевой-Монаткиной,⁶ представляется возможным предположить, что речь М. Ю. относится к так называемой «староэмигрантской речи». Полевые работы Голубевой-Монаткиной, проводившиеся в Канаде, были направлены на то, чтобы проследить, каким образом языковая культура эмиграции первой волны XX века отражена в речи второго и более поздних русскоговорящих поколений — потомков первых эмигрантов. Хотя речь идет о Канаде, а не о Японии, третье поколение эмигрантов в описании Голубевой-Монаткиной сопоставимо с поколением М. Ю. как по возрасту, так и по времени отъезда из России бабушек и дедушек этих людей. Голубева-Монаткина отмечает, что в основе староэмигрантской речи «лежит кодифицированный литературный язык, который <...> обслуживает ту сферу, где у носителей литературного языка современной России „царит“ разговорная речь».⁷ Одна из особенностей староэмигрантской

---

⁶ Голубева-Монаткина Н. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М., 2015 [первое издание — 2004].

⁷ Там же. С. 14.

речи заключается в присутствии «отпечатка русской литературной нормы конца XIX — начала XX веков».⁸

В речи М. Ю. это может быть прослежено в обращении к бабушке и дяде по имени-отчеству, а также в названиях степеней родства: «тётка» вместо «тётя», «дед» вместо «дедушка». Когда М. Ю. вспоминает о семье, у которой его отец-японец снимал жилье в бытность сотрудником КВЖД, информант приносит извинения за то, что не может воспроизвести отчество хозяина. Показательна и лексика, относящаяся к описанию профессиональной деятельности и быта: «мукомольный завод», «плотнический отряд», «отдел подвижного состава», «станционный служащий», «юнкера», «казённая квартира», «Саманный городок». Также любопытны следующие сочетания: «прислуживать в доме», «заведовать серебром», «заведовать отрядом», «покушать вкусненькое», «потребовать китайца», «поселиться в семье», «бежать от революции», «немножко приврать», «откомандировать на временную работу», «кушать не было», «скупо рассказывать», «улица идёт по валу», «сын бедных родителей», «сливки русской аристократии», «скупая тётка», «бедные нуждающиеся люди». Необходим детальный анализ, чтобы четко определить и разграничить в этих выражениях влияние литературной нормы конца XIX — начала XX века, языка харбинцев, обусловленного во многом профессиональной деятельностью работы на КВЖД и сопряженным с этой деятельностью бытом, а также интерференций со стороны японского языка — второго родного языка М. Ю. Интересны и ударения, которые делает информант, например, «аристократія», «в Харбинé». В работе Голубевой-Монаткиной присутствует упоминание о подобных ударениях в названиях китайских городов (в Тяньзанé, от Пекинá) в контексте староэмигрантской речи. Напомним, что до исполнения 15 лет М. Ю. общался со своим окружением

---

⁸ Голубева-Монаткина Н. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. С. 15.

исключительно на русском языке, переданном ему, как отмечает сам М. Ю., бабушкой. М. Ю. неоднократно упоминает на протяжении интервью, что у Елены Николаевны был «очень чистый язык», несмотря на то что она получала только начальное образование.

«Русскость» и русский язык

В интервью с М. Ю. прослеживается связь между несколькими понятиями — «чистым», «богатым» русским языком, Харбином и «русскостью». Именно Харбин начала века, а не Москву, как будет показано ниже, М. Ю. считает местом, где бытовал и передавался «настоящий», в оценке М. Ю., русский язык. Приведем несколько цитат из интервью.

1. Харбин же был — сливки русской аристократии там собрались. **Богатейшая словесность** зарубежья была именно в Харбине.

В данной цитате постулируется утверждение, что Харбин является городом, где говорили на богатом русском языке, и уже само использование информантом литературно-книжной лексики («богатейшая словесность зарубежья») акцентирует нарратив «Харбин — русский язык». Хотя сословно М. Ю. не принадлежал к русской аристократии, факт рождения и жизни в Харбине в окружении «сливок русской аристократии», вероятно, оказал влияние на самоидентификацию М. Ю. как носителя аристократического русского языка.

2. В МИДе в тот же день вопрос был: «Скажите, пожалуйста, вы по-русски говорите?» Я говорю: «Да, **немного** говорю. У меня **мама русская**». — «А какая сегодня погода?» — «Солнце светит».

— Потом ещё сказал: «Сколько вам лет?» Я говорю, что мне 21 год. «В Москве вы бывали?» — говорит. «Нет,

первый раз». — «А где вы русский язык изучали?» — «Да я же родился в Харбине!» — «Ну, всё, всё».

В результате данной беседы, произошедшей в московском МИДе, М. Ю. был нанят в качестве переводчика. В последней части этого диалога показательны усиление с помощью частиц «да» и «же», а также общая эмоциональная заряженность фразы «Да я же родился в Харбине!», что привело к принятию доводов М. Ю. беседовавшим с ним работником МИДа. Причинно-следственная связь в формулировке «я говорю по-русски, потому что родился в Харбине», таким образом, проявлена сильнее, нежели в формулировке «я говорю по-русски, потому что у меня мама русская».

М. Ю. конструирует «русскость» как языковой феномен, а также как феномен, отраженный в материальном быту, что видно из следующей цитаты. Подобный взгляд сопоставим с описанием Владимиром Малаховым слова «русский» как предиката «в сверхэтническом значении», наблюдавшемся в имперской России и имевшем отношение в том числе и к религиозному единству.⁹

3. И мы сняли дом у русских, украинцы, которые там уже давно жили, на окраине они жили. [...] три комнаты мы сняли [...]. Русский дом.

Несмотря на уточнение М. Ю. — русские, у которых сняли дом, были украинцами, — их дом описан как «русский дом». Если рассматривать слово «русский» именно как предикат, что предложено Малаховым, то «русскость» в таком случае — это то, что проявляется через деятельность (говорить по-русски, следовать определенному жизненно-бытовому укладу, украшать дом особым образом).

---

⁹ Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. С. 57.

4. Да, что-то он показался мне каким-то **иностранным**, казалось бы, тот же русский язык, тот же самый, но чем-то он советский был, а потом я понял, что это **советский русский язык**, советским он стал.

Здесь М. Ю. говорит о русском языке, услышанном во время первого посещения Москвы в 1960-е годы. В этом высказывании прослеживается прием разграничения между русским языком Москвы 1960-х годов и русским языком, который М. Ю. выучил в Харбине. Услышанный в Москве русский язык кажется ему «иностранным», и затем М. Ю. определяет этот язык как «советский». Похожая тема разграничения наблюдается и в следующем фрагменте интервью.

5. Вы знакомы с Ольгой Матвеевой? Когда я первый раз с ней общался, она спрашивает: «Вы из Харбина?» Я говорю: «Да». Она говорит: «У вас **язык совсем не такой**, как наш». Я-то не замечаю.

Ольга Матвеева (вымышленное имя. — К. Г.) — русскоязычная женщина из Беларуси, проживающая в Японии и знакомая автору данной статьи. Вероятно, под «нашим» русским языком, о котором говорит Ольга Матвеева, подразумевается современный русский язык, на котором говорит русскоязычное сообщество в Японии, по большей части приехавшее в данную страну после 1990 года.¹⁰ Из цитаты М. Ю. следует, что Ольга Матвеева восприняла речь М. Ю. как в чем-то необычную, отличающуюся стилистически от привычной ей речевой нормы. Хотя М. Ю. скромно добавляет: «Я-то не замечаю», само упоминание данного эпизода общения с Ольгой Матвеевой

---

¹⁰ *Mukhina V. and Golovina K. Roshiajin diasupora no genjō: Zainichi roshiajin ijūsha no ichizuke ni mukete* [Современная русская диаспора: Ситуация русских иммигрантов в Японии], *Imin seisaku kenkyū* (Migration Policy Review), 2017. № 9. P. 105—122 (на яп. яз.).

говорит о важности разграничения для информанта между харбинским русским и русским советским, а затем уже и постсоветским.

В завершение данной части приведем еще одну цитату из интервью с М. Ю., в которой также использован прием разграничения. Это высказывание описывает впечатления от современного Харбина, в котором М. Ю. побывал несколько лет назад.

6. Недавно я был в Харбине, и очень мне город не понравился. Почему? Потому что это **был чисто русский город** <...> **тогда было** всего 800 тысяч населения, **сейчас** 12 миллионов, там Саманный городок, где стояла **церковь у нас красивая**, Преображенская церковь,¹¹ там вообще стоят пятиэтажные дома, **грязные**, окраина очень **грязная**, центр ещё там чисто.

Здесь информант дает понять, что Харбин времен его детства и юности изменился, общее число населения возросло, в то время как русскоязычная диаспора, сформировавшаяся в 1920-е годы, и их потомки покинули город в связи с событиями 1940—1960-х годов. На месте церкви построили жилой район. Нельзя оставить без внимания и классические оппозиции «чистоты» и «скверны», описанные антропологом Мэри Дуглас.¹² «Чисто русский город», в котором говорят на чистом русском языке, — это одновременно и чистый (негрязный, облагороженный) город, и красивая церковь, и свой город («у нас»), и небольшой город, и город из прошлого. «Скверна» — это

---

¹¹ В Харбине существовали две церкви с подобным названием. Преображенская церковь — в Корпусном городке и Спасо-Преображенская в Саманном городке (См.: *Забияко А. А., Забияко А. П., Левовшко С. С., Хисамутдинов А. А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск, 2015.

¹² *Douglas Mary.* Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London and New York, 2002 [первое издание — 1966].

нечто чужое, большое, лишённое церкви, неухоженное, оторванное от прошлого. Для М. Ю. трансгрессия самого места в категорию «осквернения» уже совершена, и «чисто русский город» остаётся доступен только в воображении.

«Русскость» и вера

В данной части приведены некоторые результаты анализа по второй узловой теме — «русскость» и вера.

1. Моё имя Масато Юдзава (вымышленное имя. — К. Г.) по паспорту, поскольку я **японский гражданин**, но бабушка у меня Елена Николаевна Ивлева была **очень верующий человек**. Поэтому она, во-первых, настояла на том, чтобы японец, мой отец, **крестился**, прежде чем жениться на её дочери. Поэтому меня крестили Макарием (вымышленное имя. — К. Г.).

В данном фрагменте внимания требует первое предложение, в котором с помощью союза «но» задан контраст между словосочетаниями «японский гражданин» и «верующий человек». Далее следует объяснение — обращение к самому факту крещения, тем самым являя завуалированное противопоставление некрещёной «японскости» и крещёной/верующей «русскости», с которой самоидентифицируется М. Ю.

2. — Да. И салфетки, **иконы**. В каждой комнате **иконы**. И бабушка каждую субботу и воскресенье **в церковь** ходила, а в **страстную** нас **водила** с Иринкой (сестра, вымышленное имя. — К. Г.). Я на **клиросе** **пел**. Я даже, знаете, в детстве **мечтал** **стать священником**.

В данной цитате говорится о внутреннем убранстве жилья в Харбине. По рассказу М. Ю., в его нынешнем жилище в Японии также имеются иконы, и он остаётся религиозным человеком, читает молитвы. Несмотря на то что мечта

стать священником не осуществилась, его нынешний род деятельности — о котором здесь не упоминается в целях анонимности — связан с тем образом жизни, в формировании которого решающую роль сыграла бабушка. О влиянии бабушки — следующая цитата.

3. На 90%, по-моему, я характером русский. [...] В этом отношении у нас, конечно, интересная такая была, своеобразная семья — дед китаец, которого я не знаю, бабушка русская, отец японец. [...] Но у меня много русского, потому что, я снова повторяю, очень большое влияние бабушки.

В своем интервью М. Ю. регулярно обращается к фигуре бабушки в контексте двух основных характеристик — как носителя чистого русского языка и как человека глубоко религиозного. «Русскость» для М. Ю., считающего себя преемником бабушки, таким образом, проявляется прежде всего в пластах языка и веры. Представляется возможным сделать вывод, что через бабушку по материнской линии осуществилась матрилинеальная передача сверхэтнической языковой и духовной «русскости». «Русскость» интернализирована М. Ю. как базирующаяся на особом «харбинском» русском языке, объективно характеризующимся как староэмигрантская речь, и вере, передаваемой — матрилинеально — из поколения в поколение и реализуемой в быту и религиозных практиках.

